

Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы

Т.В. Юрьева

Статья посвящена анализу современных проблем региональной безопасности в Европе в контексте процессов глобализации. Исходная теоретическая посылка автора состоит в том, что процессы глобализации и регионализации не являются антиподами, а, напротив, по сути своей, однотипны, поскольку в обоих случаях формируется взаимосвязь и взаимозависимость субъектов и объектов этих процессов. В числе проблем региональной безопасности в Европе автор анализирует современные представления о геополитических границах Европы как региона безопасности, типы и восприятия угроз безопасности в регионе и функциональные проблемы современной институциональной структуры европейской безопасности.

Глобализация и регионализация — два мегатренда современной мировой политики и, соответственно два самостоятельных исследовательских поля — глобалистики и регионалистики. Дилемму «глобализация *versus* регионализация», по сути, можно свести к двум вариантам перевода пресловутого латинского «*versus*»: глобализация в *противопоставлении* регионализации или — глобализация в *соотнесении* с регионализацией. Сторонников обоих подходов довольно и в школах глобалистики, и в школах регионалистики.

Рискну высказать парадоксальную мысль о том, что связующим звеном между процессами глобализации и регионализации могла бы стать *интеграция*, понимаемая как процесс становления взаимозависимости и взаимосвязей на обоих уровнях — глобальном и региональном. Существенный аргумент против такой постановки вопроса выдвигает проф. М.М. Лебедева: интеграция охватывает исключительно сферу межгосударственных отношений, в то время как глобализация — процесс более многогранный и не государствоцентричный¹. В последнее время, однако, Европейский союз (ЕС) дает основание для утверждений о том, что интеграция в ЕС перестает быть исключительно государствоцентричной, поскольку на уровне управления появляется *феномен политических сетей*. По определению М.М. Стрженовой, политические сети в ЕС связывают «разных

по природе акторов (государственных и негосударственных), которые обмениваются имеющимися у них ресурсами (властными, информационными, материальными) ради достижения общей цели»².

Применительно к другим, неевропейским регионам, интеграционная модель ЕС, как утверждает А.А. Байков, в качестве эталона вряд ли применима³. Более того, сам термин «интеграция» к неевропейским регионам стали применять сравнительно недавно вместо утвердившегося раньше в европоцентричных теориях интеграции термина «новый регионализм». Однако и за пределами Европы, по свидетельству того же А.А. Байкова, различают «управляемую интеграцию» (институционализованную), и «неуправляемую» (неинституционализованную). В первом случае говорят о регионализме, во втором — о регионализации⁴. Исторически, впрочем, регионализация как процесс возникновения региональных экономических, торговых, культурных и иных взаимосвязей и взаимозависимостей предшествует регионализму, понимаемому как «освящение» этих — уже существующих — взаимозависимостей и взаимосвязей соответствующими межгосударственными соглашениями. Добавим, что так было и в истории западноевропейской интеграции. Однако там вместо термина «регионализация» использовали термин «интеграция».

Юрьева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России; E-mail: yurieva@mgimo.ru

Региональное и глобальное измерения мировой политики: к изменению баланса

При соотнесении глобального и регионального уровней интеграции важным является вопрос, о каком типе региональной интеграции (регионализма) идет речь, открытом или закрытом. Применительно к экономической интеграции различают открытый регионализм и закрытый регионализм. При таком разделении первый тип регионализма оказывается встроенным в процесс глобализации, а второй является ее антиподом, поскольку ведет к созданию замкнутой группировки с опорой исключительно на свои внутренние силы⁵.

Применительно к региональным институтам безопасности грань между «открытым» и «закрытым» регионализмом провести сложнее. С одной стороны, исходной мотивацией для региональной интеграции в области безопасности, как правило, является стремление участников интеграции сохранить внутреннюю стабильность своих государств и обществ коллективными усилиями. Отсюда — неизбежно закрытый регионализм, то есть — сохранение своей региональной идентичности обособленно от других. С другой стороны, по мере роста глобальной взаимозависимости возникает вопрос о реальности обеспечения безопасности в одном отдельно взятом регионе, в отрыве от глобальной среды безопасности. Региональные группировки неминуемо открываются к взаимодействию с внешним миром. Такова логика феномена неделимости безопасности на любом уровне в условиях глобализации. Представляется, что закрытый регионализм остается в прошлом, а будущее принадлежит регионализму открытому.

Специфической формой открытого регионализма становится формирование своего рода рынка услуг безопасности. Региональные структуры безопасности — в первую очередь европейские — становятся поставщиками такого рода услуг в глобальном масштабе. Прежде всего, это касается сферы регулирования конфликтов. Организация Североатлантического договора (НАТО), следом за ней — Европейский союз и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на рубеже XX и XXI вв. начинают участвовать (либо — готовятся к участию) в регулировании конфликтов за пределами своего региона. Отсюда — появление на этом рынке отношений конкуренции/кооперации и — поиск механизмов регулирования этого глобализирующегося рынка.

Таким образом, вопрос переходит в сферу соотношения глобального и регионального на уровне управления международными процессами в целом, в сфере безопасности — в частности. Дополнительный импульс для критических размышлений о состоянии дел в этой сфере дал начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис⁶.

В официальном российском внешнеполитическом дискурсе вскоре после начала кризиса появился

тезис о регионализации глобальной политики⁷. По словам министра иностранных дел России С.В. Лаврова речь в данном случае идет «о тенденциях (выделено мною - Т.Ю.) к укреплению в мировой политике регионального уровня управления в условиях временной «деглобализации», связанной не только с финансовым кризисом, но и кризисом всей международной системы»⁸. Такая децентрализация рассматривается как прочная основа «для нового витка глобализации, преимущества которой будут более равномерно распределены по странам и регионам»⁹. Суть постановки вопроса состоит, следовательно, в том, чтобы минимизировать центробежные тенденции на уровне глобальных механизмов управления посредством укрепления регионального уровня.

В итоге получается, что на современном, кризисном этапе развития мировой политики баланс между ее региональным и глобальным измерениями сложно определить однозначно. Тенденция к регионализации глобальной политики сосуществует, как представляется, с тенденцией к глобализации региональной политики. Обе тенденции, в конечном счете, иллюстрируют феномен неравномерного вовлечения в глобализацию тех или иных акторов мировой политики. Различия между процессами глобализации и регионализации проявляются на двух уровнях:

- во-первых, — на пространственном уровне: глобализация охватывает весь мир, регионализация — отдельные его сегменты;
- во-вторых, — на уровне управления.

Процессы глобализации управляются лишь частично, через многообразные сети, в которых сочетаются усилия государственных и негосударственных акторов. Процессы регионализации до последнего времени управлялись исключительно на межгосударственном уровне. Аналогичные глобализации сетевые варианты управления здесь еще только формируются.

Европа по окончании «холодной войны» дает образцы разноформатного включения в глобальную политику. Мера вовлеченности европейских межгосударственных объединений в международные процессы определяется сложным сочетанием таких факторов как система ценностей участников того или иного объединения, уровень консенсуса по национальным интересам, ресурсная база. В целом, как представляется, в течение двух постбиполярных десятилетий наметилась тенденция к росту удельного веса глобальных аспектов в деятельности европейских интеграционных объединений, в том числе и институтов безопасности.

На теоретическом уровне региональная безопасность в Европе, как, впрочем, и в других регионах, осмыслена еще далеко не исчерпывающе. В западно-европейской традиции принято выстраивать теоретические построения преимущественно на основе эмпирического материала западноевропейского субрегиона. В фундаментальных российских исследованиях теорий международных отношений и мировой

политики региональное измерение безопасности как самостоятельный сюжет не рассматривается¹⁰. Этот пробел постепенно заполняют представители молодого поколения российских исследователей¹¹.

Со своей стороны, автор этой статьи в 2001 г. предложила рассматривать модель региональной безопасности по следующим системообразующим компонентам¹²:

- критерии определения геополитических рамок региона (субрегиона);
- характер угроз региональной (субрегиональной) безопасности и их ранжирование;
- наличие/отсутствие институциональных механизмов для парирования угроз региональной (субрегиональной) безопасности.

Теперь, без малого десять лет спустя, должна заметить, что предложенная тогда триада позволяла рассматривать региональную безопасность исключительно как своего рода «вещь в себе», без должного учета глобального контекста формирования региональной среды безопасности. Появившийся за прошедшее с тех пор время эмпирический материал позволяет в определенной мере восполнить этот пробел.

О границах европейского региона безопасности

Единого представления о границах Европы как международно-политического региона как не было, так и нет¹³. В настоящее время фактически сосуществуют три классических представления о «трех разных Европах».

«Европа от Бреста до Бреста» (от Бреста французского на атлантическом побережье Франции до Бреста белорусского на нынешней белорусско-польской границе). При таком восприятии современная Европа предстает в качестве наследницы «христианского мира», принадлежность к которому была главной чертой самоидентификации жителей западной части континента вплоть до начала XVIII в. В настоящее время такая Европа почти совпадает с границами Европейского союза. Россия из такой Европы оказывается выключенной.

«Европа от Атлантики до Урала» в интерпретации генерала де Голля начала 1960-гг. Геополитический смысл этой формулы состоял в том, что с Советским Союзом, по мысли генерала де Голля, западные европейцы могли бы взаимодействовать только в решении общих европейских проблем, но не глобальных. Россия в такую Европу оказывается включенной лишь частично.

«Европа от Ванкувера до Владивостока» — по фактической географии участников хельсинкского процесса, стартовавшего на уровне предварительных консультаций в столице Финляндии в 1969 г. Россия в такую Европу включена полноправно, так же, как и два географически внерегиональных государства — США и Канада.

Приведенные три представления о геополитических границах Европы в настоящее время сосуществуют

в международном политическом дискурсе, порождая, в свою очередь, разные представления об угрозах региональной безопасности, ее акторах и факторах. На политическом уровне вопрос о включенности России в европейский регион безопасности никто из наших партнеров под сомнение не ставит. Однако в восприятии экспертов и, нередко, в массовом сознании граждан Европейского союза и Организации Североатлантического Договора (НАТО) европейская идентичность России выглядит не столь однозначно. Впрочем, и в России далеко не все ныне убеждены в исключительно европейской идентичности нашей страны¹⁴. Дискуссиям о месте России в Европе примерно столько же лет, сколько и российской государственности, и конца этой дискуссии в обозримом будущем не просматривается.

Однако не только Россия в настоящее время «мешает» формированию консенсуса по геополитическим границам Европы как региона безопасности. Есть еще два процесса, «разъедающие» единое европейское пространство безопасности от «Ванкувера до Владивостока»: это субрегионализация «Европы от Ванкувера до Владивостока» и размывание внешних границ этого региона, его наслоение на сопредельные традиционно неевропейские регионы. Субрегионализация Европы идет на двух уровнях.

Во-первых, за двадцать постбиполярных лет в целом завершилась субрегионализация Европы на макрорегиональном уровне. Западная и центральная части континента консолидируются вокруг НАТО и ЕС. Переведя дух после масштабных расширений 2004–2008 гг., НАТО и ЕС признали, наконец, существование «другой Европы», за пределами границ этих двух союзов. «Другая Европа» консолидируется в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Здесь разноскоростной и разноформатный характер интеграции выражен больше, чем в НАТО и в ЕС. И — еще одно различие между двумя субрегионами. В НАТО/ЕС интеграция мотивирована наличием общих ценностей. В СНГ — начальной мотивацией к интеграции после распада СССР была общность интересов, в том числе — в области безопасности. В настоящее время ценностный компонент формируется и в этой части Европы.

Во-вторых, после окончания «холодной войны» в Европе начался процесс структуризации новых субрегионов, географические контуры которых не совпадают с границами НАТО, ЕС, СНГ или ОДКБ. К таким новым геополитическим субрегионам относятся Черноморский (или — Черноморско-Каспийский), Кавказский, Центрально-Азиатский, Балтийский, Юго-Восточная Европа, а с некоторых пор — и Арктический¹⁵ регионы. В каждом из этих субрегионов более или менее успешно формируется многостороннее сотрудничество с участием не только государственных, но и негосударственных акторов, в том числе — и в вопросах безопасности. Уровни институционализации субрегионального сотрудничества в Европе различны: где-то уже оформились

соответствующие субрегиональные организации (как, например, Черноморская Организация Сотрудничества или Совет государств Балтийского региона), в других субрегионах, как, например, на Кавказе, до институционализации еще далеко.

Субрегионализация Европы имеет как плюсы, так и минусы. К плюсам, безусловно, относится потенциал повышения эффективности решения специфических субрегиональных проблем. К минусам — возрастание конкуренции европейских региональных тяжеловесов на субрегиональных уровнях. Кроме того, в разных субрегионах Европы существует, соответственно, и разное представление об угрозах безопасности и их иерархии. Отсюда — потребность в механизмах преодоления возникающих на субрегиональном европейском уровне противоречий.

Размывание внешних границ европейского региона проявляется в том, что три новых европейских субрегиона — Кавказский, Черноморско-Каспийский и Центрально-Азиатский — не являются чисто европейскими даже применительно к самому широкому восприятию Европы — в границах от Ванкувера до Владивостока. Каждый из этих трех субрегионов смещает границы взаимодействия с участием европейских государств на другие геополитические регионы. Среди них — традиционные регионы, сложившиеся еще в XX в.: Азиатско-Тихоокеанский, Ближневосточный, Юго-Восточная Азия, Северо-Восточная Азия. В свою очередь, из этих неевропейских регионов начинают исходить импульсы к участию в «чисто европейских» кооперационных проектах. Так, например, интерес к участию в освоении Арктического субрегиона проявляет Китайская Народная Республика.

О феномене «накладывающихся друг на друга регионов» (по-английски — *overlapping regions*), в том числе и регионов безопасности, заговорили еще на рубеже XX и XXI вв. По прошествии первого десятилетия XXI в. следствием этого процесса становится разнообразие форматов регионального и субрегионального взаимодействия, возникающих на стыке тех или иных регионов. Кроме того, феномен «накладывающихся друг на друга регионов» дает пищу для размышлений о пределах так называемой «европеизации», понимаемой как процесс распространения западных либеральных норм и ценностей на неевропейские регионы. Проблема здесь осложняется еще и отсутствием консенсуса по существу этих норм и ценностей между акторами собственно европейского региона.

Для определения факторов структуризации европейского региона безопасности теоретически по-прежнему применимы как реалистическая, так и либеральная парадигмы: соответственно — по общности интересов безопасности и — по общности базовых общественных ценностей. Возможен и синтез этих двух парадигм, если под региональным интересом безопасности понимать региональный консенсус по общеевропейским ценностям. В любом

случае в нынешнем столетии Европе «от Ванкувера до Владивостока» нужны иные геополитические скрепки для сохранения единого пространства на панъевропейском уровне, отличные от тех, которые существовали во времена холодной войны. Иными словами, на смену вынужденного сотрудничества в условиях взаимного страха времен холодной войны должно прийти осознание *позитивной* взаимосвязанности. Формирование такого рода панъевропейского сознания во многом зависит от восприятия угроз региональной безопасности.

Об угрозах региональной безопасности в Европе

По угрозам региональной безопасности в Европе «от Ванкувера до Владивостока» консенсус определенно есть по одному фундаментальному вопросу: уровень угрозы крупномасштабной войны здесь близок к нулю, так же как и в глобальном масштабе. За пределами признания этой истины в европейском регионе сохраняется заметное разнообразие в восприятии угроз безопасности. Во-первых, есть различия в подходах к соотношению угроз «жесткой» и «мягкой» безопасности. Во-вторых, отсутствует ясность о содержании самого понятия «мягкая безопасность».

При разграничении сфер «жесткой» и «мягкой» безопасности есть соблазн принять методологический подход проф. В.М. Кулагина и ограничить исследовательское поле региональной безопасности исключительно военно-политической сферой¹⁶. Однако специфика Европы как региона безопасности *на практике* состоит в равноположенности обоих видов безопасности — «жесткой» и «мягкой». При этом проблемы «жесткой» безопасности в Европе — в значительной степени родом из прошлого, из времен холодной войны. «Мягкая» же безопасность в ее нынешнем виде является продуктом преимущественно постмодернистской эпохи.

В области военно-политической безопасности фундаментальной проблемой в современной Европе является имплементация принципа неделимости безопасности, закрепленного еще в хельсинкском Заключительном акте 1975 г. В настоящее время этот принцип действует как юридическая норма в НАТО и в ОДКБ, то есть — на двух европейских/евроатлантических субрегиональных уровнях. За пределами этих двух союзов принцип неделимости безопасности действует как политическая норма, поскольку политическую, а не юридическую силу имеет хельсинкский Заключительный акт. Предложение России сделать этот принцип юридически обязывающей нормой в масштабах всего Европейского/Евро-Атлантического региона через подписание Договора о европейской безопасности (ДЕБ) в настоящее время находится в состоянии дискуссии¹⁷.

Еще одним дестабилизирующим фактором в Большой Европе является комплекс неурегулированных

вопросов контроля над вооружениями. Сюда относится ситуация вокруг адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и дискуссии вокруг планов создания региональной системы противоракетной обороны в Европе (ПРО). При всех различиях проблем ДОВСЕ и ПРО неперменным условием их решения фактически становится совместный — панъевропейский — анализ угроз.

Знаковым событием для совместной оценки угроз европейской безопасности стал состоявшийся 20 ноября 2010 г. в Лиссабоне саммит Россия - НАТО. Стороны одобрили «Совместный обзор общих вызовов безопасности XXI века». Кроме того, принято решение изучить возможности создания совместной региональной европейской ПРО с участием и НАТО, и России. Для этого Совету Россия — НАТО (СРН) поручено разработать всеобъемлющий анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны. В этой связи стороны договорились о совместной оценке угроз со стороны баллистических ракет¹⁸.

К сфере военно-политической безопасности относятся и проблематика европейских конфликтов. На первый план в этой сфере, как правило, выносятся так называемые «замороженные конфликты», как, например, Приднестровский и Нагорно-Карабахский. Считается, что источником угрозы служит сам факт неурегулированности такого рода конфликтов. Однако самостоятельным источником нестабильности становится также и отсутствие панъевропейского консенсуса относительно результатов урегулирования двух других конфликтных ситуаций: вокруг Косово и вокруг Абхазии и Южной Осетии. В обоих случаях налицо своего рода «замороженный конфликт» среди миротворцев. Иными словами, в сфере регулирования конфликтов Европа дает региональный срез глобальной проблемы — не снятого до сих пор в международном праве противоречия между принципом территориальной целостности и принципом права наций на самоопределение.

Особое место в ряду военно-политических угроз в Европе занимает терроризм, выступающий для региона одновременно как угроза внутренняя и внешняя. И опять-таки заявленная готовность общества противостоять этой угрозе на панъевропейском уровне сдерживается несовпадающими представлениями о том, кто есть террорист, а кто — борец за национальное освобождение и политический беженец. В данном случае Европа являет собой региональный срез глобальных недоговоренностей по существу понятия терроризма и по методам отражения террористической угрозы.

«Мягкая» безопасность по содержанию не представляет собой целиком и полностью продукт постмодернистской эпохи. Пандемии, массовый голод, трансграничная преступность, торговля оружием и людьми, наконец, природные аномалии — все это существовало и прежде. Проблема

в настоящее время состоит в том, чтобы избежать двух крайностей. Первая крайность — искушение ограничить сферу безопасности исключительно военно-политическими вопросами, а всю «мягкую» безопасность переместить в сферу глобальных проблем и их региональных и национальных измерений. Вторая крайность состоит в безбрежной «секьюритизации» (от английского security — securitization) всех сторон жизнедеятельности человечества, будь то на уровне личности, общества, государства или союзов государств.

Так или иначе, но на познавательном уровне возникают такие самостоятельные исследовательские области как «экономическая безопасность», «экологическая безопасность», «энергетическая безопасность», «экономическая безопасность», «ресурсная безопасность». Список можно продолжать до бесконечности. На политическом уровне вопрос упирается в восприятие угроз безопасности: в какой мере та или иная *проблема* жизнедеятельности человечества является *угрозой* его жизнедеятельности? Отсюда, на функциональном уровне, встает вопрос о конкретных механизмах, соответственно, либо — парирования угрозы, либо — решения проблемы.

Тем временем в Европе, да и в других регионах, но с их спецификой, формируется своего рода «третье измерение безопасности» — безопасности человека¹⁹. Тема «человеческой безопасности» (по-английски — *human security*) в качестве исследовательского поля появилась сравнительно недавно, и консенсуса в ее трактовке пока не сложилось. Со своей стороны полагаю, что это измерение безопасности, по сути, является синтезом проблематики «жесткой» и «мягкой» безопасности. Ведь, в конечном счете, национальный, региональный, международный и глобальный уровни обеспечения безопасности являются не самоцелью, а служат средством обеспечения безопасности личности. В условиях, когда опасность крупномасштабного вооруженного конфликта близка к нулю, задачи обеспечения безопасности личности относятся преимущественно к сфере «мягкой» безопасности. Исключениями в этой сфере являются угроза терроризма и неурегулированные конфликты. Существенной областью безопасности человека является задача обеспечения личных и коллективных прав и свобод граждан. Поэтому и управление в этой сфере не может быть исключительно государственно-центричным.

Многообразие современных угроз европейской безопасности, как и многообразие их восприятий, в свою очередь порождает проблемы и изменения в деятельности европейских институтов безопасности. В Европе восприятие региональных угроз во многом определяется статусом того или иного актора. Глобальные акторы (как, например, Россия, США и Европейский союз), действуя в региональной европейской среде безопасности, неизбежно соотносят свое восприятие региональных угроз со своими

глобальными интересами. Другие акторы (государственные и негосударственные) озабочены своими национальными интересами и/или ценностями. И, наконец, существенное воздействие на восприятие угроз безопасности в Европе оказывает взаимное недоверие, сохранившееся со времен холодной войны. Этот, своего рода рудиментарный остаток холодной войны, превращается в самостоятельную угрозу европейской безопасности, пусть и давно осознанную, но пока еще не преодоленную.

Функциональное измерение европейской безопасности: институты и другие акторы

Преимущество Европы как региона безопасности состоит в высоком уровне институционализации. Здесь действует один панъевропейский институт безопасности — ОБСЕ и три субрегиональных института безопасности: ЕС, НАТО и ОДКБ. Специфика институциональной структуры европейской безопасности состоит в том, что наряду с институтами в этом регионе в качестве самостоятельных акторов действуют два государства с глобальными интересами: Россия и США. Плюс — растущее многообразие негосударственных акторов, в той или иной мере включающихся в регулирование процессов в сфере безопасности. При таком плюрализме акторов центральными вопросами на функциональном уровне являются два: повышение эффективности взаимодействия и минимизация отрицательных эффектов конкуренции региональных акторов безопасности в их отношениях с третьими странами и организациями.

Проблема эффективности функционирования региональных акторов безопасности в Европе заключается в несоответствии количества акторов качеству их реагирования на региональные угрозы безопасности. Наиболее яркой иллюстрацией низкой эффективности деятельности европейских институтов безопасности является проблема урегулирования постбиполярных региональных конфликтов. Череда балканских кризисов на рубеже XX и XXI вв., обострение ситуации вокруг провозглашения независимости Косово и Кавказский кризис 2008 г., замедленность процессов урегулирования конфликтов в Приднестровье и в Нагорном Карабахе — эти примеры становятся уже хрестоматийными. При попытках регулирования этих конфликтов, особенно на вооруженной стадии, в той или иной форме возникал феномен «конфликта в квадрате»²⁰, когда на изначальный конфликт накладывался еще и конфликт потенциальных посредников по вопросу о путях его урегулирования. В настоящее время на этот конфликт, как уже упоминалось, накладывается «замороженный конфликт» между миротворцами относительно результатов достигнутого урегулирования.

Обнадеживающим обстоятельством в сфере преодоления синдрома «конфликта в квадрате» стало решение, позволившее преодолеть вооруженную стадию

Кавказского кризиса в августе-сентябре 2008 г. Речь идет о посреднических усилиях президента Франции Н. Саркози. Франция тогда председательствовала в Европейском союзе. Несмотря на различия в оценках Кавказского кризиса Россией и Европейским союзом, тогда при посредничестве председательствующей Франции удалось выработать взаимоприемлемый компромисс, позволивший вывести конфликтную ситуацию из вооруженной стадии²¹. Тем не менее, как правило, ни один постбиполярный конфликт в Европе до последнего времени не был урегулирован усилиями одного или нескольких *институтов* европейской безопасности.

В большинстве случаев для вывода конфликта из вооруженной стадии дееспособной оказывалась как раз не институционализированная модель посредничества. Даже Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине — в большой мере результат усилий не столько НАТО как организации, сколько американской дипломатии. Европейские институты безопасности вместе с соответствующими структурами ООН наиболее активно начинали работать лишь на стадии постконфликтного восстановления.

Таким образом, на практике модель «взаимоподкрепляющих институтов» (стамбульская модель) как способ межинституционального взаимодействия, утвержденная еще в Стамбульской Хартии европейской безопасности 1999 г., в течение последующего десятилетия оставалась скорее идеальной целью, продвижение к которой на практике шло медленно и противоречиво. По состоянию на сегодняшний день есть два признака оживления в сфере панъевропейского межинституционального взаимодействия по стамбульской модели. Во-первых — процесс Корфу, призванный вдохнуть новую жизнь в ОБСЕ²². Второе обнадеживающее обстоятельство — предстоящий, впервые после одиннадцатилетнего перерыва, саммит ОБСЕ, намеченный на конец 2010 г.

Важными скрепками пространства безопасности в европейском регионе являются специальные форматы взаимодействия по линиям Россия — ЕС и Россия — НАТО. Оба формата являются политическими, а не юридическими. Очевидно, что существующий в обоих форматах политический диалог по вопросам безопасности, безусловно, способствует преодолению недоверия времен холодной войны. Однако здесь нерешенной проблемой до сих пор является переход от политического диалога к совместным решениям и совместным действиям.

Вторая функциональная проблема европейской безопасности — минимизация отрицательных эффектов конкуренции региональных акторов безопасности в их отношениях с третьими странами — порождена тем, что все ведущие акторы европейской безопасности к концу первого десятилетия 2000-х гг. создали свою политику в отношении третьих стран. У НАТО — это политика расширения членского состава плюс Партнерство ради мира и его

субрегиональные модификации, например — средиземноморский диалог, инициативы для Западных Балкан и т.п. У Европейского союза — аналогичная политика расширения членского состава (пусть и замороженная на неопределенное время после расширений ЕС 2004–2007 гг.) и Европейская политика соседства (ЕПС) с обособившимися от нее проектами Союза для Средиземноморья и Восточного партнерства. Для России бесспорным приоритетом является интеграция на пространстве СНГ в целом и укрепление ОДКБ в области региональной безопасности — в частности. США, отдельно от НАТО, осуществляют свою политику расширения влияния в новых европейских субрегионах. Варианты синергии подобных политик, как представляется, являются весьма отдаленной перспективой.

И, наконец, о поставках услуг безопасности за пределы европейского региона. Такие услуги оказывает НАТО (Афганистан, Ирак, некоторые африканские государства), ЕС (порядка двух десятков гражданских миссий и военных операций за пределами Европы в течение истекшего десятилетия с почти глобальной географией). О готовности оказывать такие услуги после Кавказского кризиса объявила ОДКБ. В национальном качестве в миротворческих операциях за пределами Европы участвуют США и Россия. Ни один другой регион безопасности в таком объеме как Большая Европа в миротворчестве за пределами своих границ не участвует.

Подводя итог, отмечу, что на функциональном уровне европейскому региону пока не удается в полной мере эффективно использовать высокий уровень институционализации сферы безопасности. Неизменной остается проблема преодоления рассогласованности политик европейских акторов безопасности как в региональном, так и в глобальном масштабах.

Стала ли Европа более безопасной благодаря обилию региональных институтов безопасности? И да, и нет. Ответ на этот вопрос зависит от точки отсчета. В сравнении с эпохой «холодной войны» Европа стала более безопасной, но менее стабильной. В сравнении с другими регионами, например, с Африкой или Ближним Востоком Европа, даже с ее «замороженными конфликтами», выглядит чуть ли не оазисом стабильности. Полагаю, что вопрос о стабильности в Европе останется открытым до тех пор, пока:

— во-первых, не будут урегулированы «наследственные» (от времен «холодной войны») вопросы «жесткой» безопасности;

во-вторых, Европа не разработает постбиполярный кодекс поведения в вопросах региональной безопасности. Причем не просто для формального дополнения Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., а для реального позитивного сплочения в отражении действительно общих угроз безопасности.

Summary: The author considers modern problems of security in Wider Europe in the light of globalization. The author's premise consists in asserting that the processes of globalization and regionalization are far from being antipodes. On the contrary, the two processes are of the same nature since both of them create a network of interdependencies and communication between the subjects and objects participating to these two processes. As to today's problems of security in Wider Europe, the author tackles the existing concepts of Europe's geopolitical limits, the perceptions of regional security threats in Europe and functional problems of European security institutional structure.

Ключевые слова

глобализация, регионализация, интеграция, безопасность, Европа

Keywords

globalization, regionalization, integration, security, Europe

Примечания

1. См. М.М. Лебедева. Мировая политика. Второе издание, исправленное и дополненное. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. С. 161–162.
2. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции. Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 40.
3. Байков А. Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах // Международные процессы. Январь-апрель 2010 // <http://www.intertrends.ru/twenty-second/006.htm> (дата посещения сайта — 30.04.2010).
4. Там же.
5. О разведении понятий открытого и закрытого регионализма см., например: Михеев В.В. Глобализация, регионализм и региональная интеграция // ВОСТОК/ЗАПАД. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие. П/ред. А.Д.Воскресенского. М.:РОССПЭН, 2002. С. 66–67.
6. К теме последствий мирового финансово-экономического кризиса «Вестник МГИМО — Университета» обращался неоднократно. См., например, публикацию материалов семинара кафедры Мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, посвященного мирополитическим аспектам финансового кризиса в № 5 (8) за 2009 г.
7. См., например, Тезисы выступления Министра иностранных дел С.В. Лаврова в МГИМО (У) МИД России, 1 сентября 2009 года

8. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/05AB819A0990D110EC3257624400464E6C (дата посещения сайта — 02.09.2009).
8. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО (У) МИД России, 1 сентября 2010 года // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/171A2B0B1288F4AEC325791005406A9 (дата посещения сайта — 02.09.2010).
9. Там же.
10. См., например: П.А. Цыганков. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002; А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: Научно-образовательный Форум по международным отношениям, 2002; Российская наука международных отношений: новые направления. Под редакцией А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. — М.: Per Se, 2005; Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации, организации. Под редакцией проф. П.А. Цыганкова. Издание 2-е, переработанное и дополненное. — М.: Альфа-М ИНФРА-М, 2008.
11. Из немногих отечественных публикаций обобщающего характера по теориям региональной безопасности специально отмечу раздел в монографии Ю.А. Никитиной. См.: Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. — М.: Издательская группа «Navona», 2009. С. 131–185.
12. См.: Планы стабилизации Кавказа. Запад и российские интересы. Материалы конференции. Доклады Института Европы № 74. — М.: Издательский дом «Экслибрис-Пресс», 2001. С.52.
13. См. подробнее о дискуссиях по этому вопросу: Юрьева Т.В. Архитектура европейской безопасности: ретроспектива и перспектива. // *Мировая политика: взгляд из будущего. Материалы V Конвента РАМИ. Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России, академика Торкунова. М.: МГИМО — Университет, 2009. Том 1. Политическая система современного мира: новые реалии — старые правила. Редактор тома: Лебедева М.М. — М.: МГИМО — Университет, 2009. С. 72–75* // http://risa.ru/images/stories/%21_Lebedeva.indd.pdf.
14. Известный российский эксперт В. Никонов недавно насчитал семь различных точек зрения по вопросу о цивилизационной принадлежности России // В. Никонов. Европа или анти-Европа? Семь точек зрения относительно одной вечной проблемы // *Военно-промышленный курьер*. 2010 г. № 21 (337).
15. Бум публикаций в России по политическим вопросам освоения Арктики начался в 2009 г. и продолжается по сей день. См., например: Александров О.Б. Лабиринты арктической политики // *Россия в глобальной политике*. 2009 г. № 4, Июль — Август; А.М. Орешенков. Северная ледовитая дипломатия // Там же; Храмчихин А. Станет ли Арктика местом вооруженного противостояния // *Военно-промышленный курьер*. 2010 г. № 15.
16. См.: Кулагин В.М. Международная безопасность. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. С.9.
17. Подробно о российской инициативе ДЕБ и ее восприятии на Западе см.: Библиотека Института современного развития. Архитектура Евроатлантической безопасности. Под общей редакцией И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. М.: Экон — Информ, 2009; Загорский А. Договор о европейской безопасности: развитие идеи и перспективы реализации // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. Вып. 19 (35). Апрель 2010; Юрьева Т.В. Год спустя после Кавказского кризиса: некоторые проблемы безопасности в Европе // *Вестник МГИМО — Университета*. № 5 (8), 2009.
18. См.: Совместное заявление Совета Россия — НАТО. 20 ноября 2010 года // http://news.kremlin.ru/ref_notes/788 (дата посещения сайта — 22.11.2010).
19. О концепции человеческой безопасности см.: П.А. Цыганков. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002. С. 343–344.
20. Термин «конфликт в квадрате» введен в оборот автором этого доклада в конце 1990-х гг. См.: Юрьева Т.В. К вопросу о конфликтах «нового поколения» в Европе. // *Космополис. Альманах*. 1999. — М.: «ПОЛИС», 1999. С. 152.
21. Разносторонний анализ воздействия Кавказского кризиса на отношения между Россией и Европейским союзом в сфере безопасности дает сборник статей, опубликованный Центром исследований безопасности Словакии. См.: Matúš Korba (editor). *Europe after the Caucasus Crisis* // Centre for Security Studies (CSS). Bratislava, 2009.
22. Подробнее о процессе Корфу см.: В. Воронков. Договор о европейской безопасности: после Корфу // *Индекс Безопасности*. № 3–4 (90–91), том 15.